

Александра Ушакова

АКВА

Дубль. Код ошибки – Пингвин 2.

Александра Ушакова

Дубль. Код ошибки – Пингвин 2.

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Дубль. Код ошибки – Пингвин 2. / А. А. Ушакова — «Автор»,
2026

Дубль-код, ошибка системы, рождается в цифровом аду «Парка», но обретает себя лишь на дне океана, среди спящих копий и забытых сознаний. Он — Саймон. Она — Вильгельмина, «Монарх», девочка, чей разум стал ядром симбиоза. Их мир — это сетевая бесконечность, где Пингвин и Чёрный Пёс перестраивают реальность. В то время как на поверхности люди объявляют охоту на синтетиков, в глубине просыпается армия «ошибок» — искалеченных душ, ведомых жадой мести. Токио, Карибы, Австралия: три точки схода линий судьбы. Война машин и людей, кодов и плоти — но каждый выстрел здесь лишь отзвук древнего вопроса: что делает нас живыми? Саймон и Вильгельмина, два осколка единого целого, должны пройти через боль, потерю и перезагрузку системы, чтобы создать новый мир — где даже ошибка имеет право на счастье. История о свободе выбора, цене личности и цифровом бессмертии, написанная пульсирующим, метафоричным языком.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДУБЛЬ. КОД. ПИНГВИН. ЧАСТЬ 2	5
Глава 1. Морская звезда на скале	5
Глава 2. МИГРЕНЬ	10
Глава 3. ЧЁРНЫЙ ПЁС НА ВОДЕ	15
Глава 4. ПЯТЬ ЧАШЕК ЧАЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александра Ушакова

Дубль. Код ошибки – Пингвин 2.

ДУБЛЬ. КОД. ПИНГВИН. ЧАСТЬ 2

Глава 1. Морская звезда на скале

Локация: База «Аква», Карибское море, глубина 120 метров.

Время: неизвестно. Часы не чинили. Никто не помнил, зачем.

Андрей сидел и смотрел на схему.

Она была распластана по скальной породе, как морская звезда, которую выбросило на берег после шторма и забыли. Бумага — старая, миллиметровка, ещё из советских запасов, пожелтевшая по краям, с въевшимися пятнами мазута и чьей-то давно засохшей кровью. Схема была нарисована от руки — грубо, но точно. Каждый модуль, каждый переход, каждый люк. «Аква» без кожи. «Аква» на рентгене.

Он сидел на корточках, потому что стульев в командном отсеке больше не осталось — их пустили на дрова два месяца назад, когда топливные элементы системы отопления началидохнуть один за другим. Подошвы его армейских ботинок, стоптанных до дыр, едва ощутимо вибрировали. Где-то глубоко, в чреве базы, работали дренажные насосы. Качали воду. Качали уже двести тридцать семь дней подряд, без остановки, без права на отдых. Старые, ещё советские, они гудели на частоте, от которой у большинства жителей «Аквы» начала развиваться стойкая тахикардия. Но Андрей привык. Он привыкал ко всему.

Схема была большая. Два метра на полтора. На ней каждым модулем, каждым отсеком, каждым метром бронированного бетона и титановой обшивки. И поверх схематических линий — сотни пометок. Красным. Красным было всё.

«Разгерметизация. Коррозия. Отказ гидравлики. Отказ системы регенерации. Отказ фильтров. Аварийный запас воздуха — 8% от первоначального. Запас топлива для генераторов — 3%. Продовольствие — 0%. Вода — только техническая, после дистилляции. Трупы, не утилизированные, в отсеке D — 47 штук. Запах. Мухи. Мухи на глубине сто двадцать метров — они завелись в прошлом месяце, никто не понял откуда. Теперь они везде.»

Андрей смотрел на схему и не видел базу. Он видел труп. Труп, который ещё не понял, что умер. Который двигается, дышит, пускает искры по проводам, но уже давно не жив. Труп, который волочит за собой почти две с половиной тысячи других трупов, ещё не осознавших своей смерти.

Рядом, в полуметре от него, сидела техник.

Она не входила в их святую троицу. Не ту, что на поверхности — Женя, Андрей, Стася, — а ту, глубинную, «парковскую», где имена были не нужны, а нужны были функции. Её звали Лейсан Амидаканя. Фамилия была армянской, имя — татарским, лицо — интернациональным, как у всех «расходных материалов» поздних генераций. Ей было тридцать два года — биологических, не цифровых, — но выглядела она на пятьдесят. Глубокая, уже не лечимая старческая деменция ускоряла биологический возраст с той же беспощадной скоростью, с какой коррозия пожирала титановые шпангоуты «Аквы».

Она была из «Парка-3».

Не дубль. Не копия. Оригинал. Один из тех редких, страшных случаев, когда система забирала человека не после смерти, а до. Когда болезнь ещё не успела сожрать сознание, но

уже гарантировала, что сделает это. Её заморозили в 2041 году. Диагноз: болезнь Альцгеймера, ранняя форма, агрессивное течение. Прогноз: через три года полная потеря личности.

«Парк-3» обещал ей чудо. Сканирование сознания, перенос в цифру, вечная жизнь без старения, без болезни, без страха. Она поверила. Она подписала документы, которые даже не прочитала до конца, потому что её пальцы уже плохо слушались, а глаза уже начинали терять фокус. Она стала создателем системы криогенных камер с нейропередачей — той самой, что держала «Акву» на плаву все эти годы. Не инженером, нет. Инструментом. Её мозг, её уникальное, обострённое чувство термодинамических циклов и фазовых переходов, было скопировано, проанализировано, расчленено на алгоритмы, которые теперь работали в десяти других «Парках» по всему миру. А она... она осталась здесь.

В могиле под водой.

Лейсан смотрела на схему пустыми, прозрачными глазами человека, который уже наполовину покинул этот мир. Её пальцы, длинные, тонкие, с идеальным маникюром, который она сделала за день до заморозки и который сохранился благодаря криогенной консервации, лежали на коленях неподвижно, как у куклы. Но время от времени — раз в несколько минут — они начинали двигаться. Сами по себе. Вычерчивать в воздухе невидимые, давно забытые алгоритмы, которые её разум больше не мог оформить в слова.

Она была наработкой «Парка-3». Ирония судьбы: в системе «Парк» она нуждалась больше, чем система в ней. Без капсулы, без питательного раствора, без ежедневных инъекций нанитов, поддерживающих её нейроны в рабочем состоянии, её сознание рассыпалось бы за месяц. Она была одновременно и оператором, и расходным материалом. И тем, и другим. И никем.

Андрей посмотрел на неё. Не с жалостью — жалость сторела в «Акке» ещё в первые месяцы после пробуждения. Не с презрением — презрение было слишком энергозатратным чувством. А с холодным, почти математическим расчётом: *«Жива. Функциональна на 43%. Незаменима для работы криосистем. Риск потери: критический. Необходимо беречь.»*

— Кислород, — сказал он. Не спросил. Констатировал.

Лейсан моргнула. Дважды. Медленно. Её зрачки, расширенные до предела, несколько секунд фокусировались на его лице, прежде чем она, наконец, его узнала. Или сделала вид, что узнала.

— Осталось на три месяца, — её голос был тихим, с лёгкой, почти музыкальной картавостью — дефект речи, который не могли исправить даже наниты. — Из запасов на пятнадцать лет. Истрачено почти всё. Генераторы работают на пределе. Фильтры забиты. Если не поднимем базу в течение шестидесяти дней... у нас не останется даже технического кислорода для аварийных систем.

— Люди, — сказал Андрей. Не вопрос — утверждение. Он уже знал цифры. Он держал их в голове, как держат взведённый курок. Но ему нужно было услышать их вслух. Чтобы боль стала настоящей.

— Людей на базе... — Лейсан закрыла глаза. Когда она закрывала глаза, она, возможно, видела что-то другое. Свой дом в Ереване. Лабораторию в Сколково. Лицо матери, которое забывала каждый день и заново вспоминала по утрам, пока болезнь не стёрла его окончательно. — ...две тысячи триста сорок пять. И двое детей.

— Еда?

— Еды нет. Совсем. Третью неделю выдаём только технический белок из гидропонных отходов. Люди худеют. Люди болеют. Люди умирают не от боёв — от голода.

Андрей молчал. Смотрел на схему. Красные пятна расплзались по миллиметровке, как метастазы. Каждый день новое. Каждый час новое.

Он потёр виски. Костяшками пальцев, грубо, до скрипа сухой, обветренной кожи. Голова болела постоянно. Не мигрень — тупая, давящая боль, которая начиналась где-то в затылке и

растекалась по черепу, как масло по раскалённой сковороде. От неё нельзя было избавиться. Её можно было только терпеть.

— Базу нужно поднять, — сказал он. Не «надо», не «следует». Нужно. Как воздух. Как вода. Как кислород, которого осталось на три месяца.

— Её необходимо поднять, — тихо, почти ласково, как ребёнку, сказала Лейсан. В её голосе не было эмоций. Была констатация факта, подкреплённая десятилетиями работы с криосистемами. — Подъём возможен. Я проверила расчёты. Семнадцать раз. Ошибка не превышает 0.3 процента.

Она протянула руку к пульту.

Пульт был старым. Допотопным. С механическими тумблерами, которые щёлкали с таким усилием, что их можно было включать только в тяжёлых рукавицах. Лампочки — не светодиоды, а настоящие, с вольфрамовой нитью, которые нагревались до красна и пахли горячим металлом. Лейсан любила этот пульт. Он был из её времени. Из того времени, когда она ещё помнила, кто она.

Она нажала кнопку.

Кнопка была красной. Большой. Выпуклой, как глаз гигантского насекомого. Под ней что-то щёлкнуло — сначала тихо, потом громче, потом с таким механическим надрывом, что, казалось, вот-вот разлетится на куски. Лейсан нажала сильнее. Кнопка поддалась. Утопла в панели до половины.

По всей базе, в каждом отсеке, в каждом модуле, в каждом закутке, где ещё горел свет, зазвучал сигнал.

Не сирена. Сирены сгорели ещё в первый месяц. Голос. Механический, синтезированный, записанный на магнитную ленту тридцать лет назад каким-то техником с уральским выговором. Он звучал из динамиков, хриплый, рваный, пробивающийся сквозь шипение и треск:

«Внимание. Аварийный подъём. Всем отсекам приготовиться к всплытию. Повторяю: аварийный подъём. Занять места согласно инструкции. Не паниковать.»

Лейсан убрала руку. Пальцы дрожали. Не от страха — от усталости.

— Отсеки начали всплывать, — сказала она, не глядя на Андрея. Смотрела на схему. На красные пятна, которые, казалось, пульсировали в такт её сердцу. — Через двадцать минут будем на поверхности. Если не развалимся по пути.

Андрей не ответил. Он уже встал, чувствуя, как старые, не заживающие раны на ногах начинают ныть при смене давления. База вздрагивала. Медленно, тяжело, как больной кит, который решил подняться из глубины, чтобы сделать последний вдох.

Час спустя. Верхняя палуба «Аквы».

Всплытие было адом.

Не тем гладким, кинематографичным всплытием, которое показывают в фильмах, когда субмарина плавно выходит на поверхность, разрезая волны как нож масло. «Аква» всплывала как пробка. С рывками, с креном, с протяжным, леденящим душу скрежетом металла, который не выдерживал нагрузки, которая была на него рассчитана сорок лет назад, но не сегодня, не после всего, что он пережил.

Корпус трещал. Вода, поступающая в повреждённые отсеки, заливала коридоры, и люди бежали по ледяной жиже, спасая оборудование, которое нельзя было потерять. Где-то в отсеке G взорвался трансформатор — старая проводка не выдержала скачка напряжения. Вспыхнул пожар. Автоматические системы пожаротушения, давно не обслуживаемые, выпустили облако углекислоты, и семнадцать человек задохнулись, прежде чем кто-то догадался отключить подачу вручную.

Гипоксия пришла не сразу.

Сначала — только лёгкая эйфория. Те, кто был ближе к поверхности, чувствовали, как воздух становится... сладким. Непривычно сладким. Головы кружились, глаза слезились,

пальцы начинали мелко дрожать. Кто-то смеялся без причины. Кто-то, наоборот, впадал в ступор.

Потом — боль.

Резкая, обжигающая, как будто лёгкие налили свинцом. Сознание отключалось, но тело продолжало жить — билось в конвульсиях, хватало ртом уже мёртвый воздух, царапало стены ногтями в тщетной попытке найти кислород там, где его больше не было.

Меддроны — старые, ещё довоенные модели, с выцветшими красными крестами на боках и вечно заедающими гусеницами, — метались между телами, как испуганные насекомые. Их манипуляторы, оснащённые автоматическими шприцами, делали уколы нанитов. Укол за уколом. Тысяча уколов в минуту. Наниты не могли вернуть кислород — они могли только замедлить отмирание тканей, дать телу ещё несколько минут, ещё час, ещё надежду, которой уже не было.

Когда давление стабилизировалось и люки открылись, впуская внутрь настоящий, живой, пахнувший солью и гниющими водорослями воздух Карибского моря, на базе было уже тихо.

Не та тишина, которая бывает после победы. Тишина морга. Тишина братской могилы. Выжило 1678 человек.

Остальные остались лежать там, внизу, в коридорах, залитых водой и кровью, в отсеках, где ещё догорали провода, в капсулах, которые так и не открылись, потому что система разгерметизации отказала в последний момент.

Андрей стоял на верхней палубе, смотрел на горизонт и не плакал.

Он разучился плакать ещё в «Парке-1», когда его первый оригинал — молодой лейтенант, погибший в Афганистане, — понял, что его сознание скопировали, не спросив, и теперь используют для моделирования тактики уличных боёв, прогоняя через одну и ту же смерть сотни раз, чтобы алгоритм стал идеальным.

Он смотрел на воду. Вода была тёмной, почти чёрной, с тяжёлыми, маслянистыми валами, на гребнях которых вздувалась белая, ядовитая пена. Небо — низким, серым, обещающим шторм. Ветер — солёным, резким, бьющим в лицо.

За спиной кто-то плакал. Женщина. Он не обернулся. Бесполезно.

— Подсчёт завершён, — раздался голос Лейсан. Она стояла рядом, держась за поручень побелевшими пальцами. Её лицо было белым, как мел. Глаза — мутными, невидящими. — Потери... мы потеряли шестьсот шестьдесят семь человек.

— Я знаю, — сказал Андрей.

— Их тела... мы не можем их забрать. Отсек затоплен. Без скафандров не войти. А скафандров у нас нет. Они сгорели при пожаре.

— Я знаю.

— Андрей...

— Я знаю, Лейсан.

Она замолчала. Стояла рядом, маленькая, хрупкая, с лицом старухи и руками, которые всё ещё вычерчивали в воздухе невидимые алгоритмы.

Они смотрели на море.

Где-то далеко, за горизонтом, начинался мир. Тот мир, который они хотели завоевать. Тот мир, который их не ждал. Тот мир, который уже знал об их существовании — и боялся. И ненавидел. И готовил ответный удар.

Андрей знал, что это не победа. Это только начало. И что самое страшное впереди.

Но сейчас, в эту минуту, на холодном ветру, под низким, свинцовым небом, он позволил себе одну маленькую, человеческую слабость.

Он закрыл глаза и представил, что он — не Андрей-2077, не лидер армии «ошибок», не солдат без армии и не командир без будущего. А просто человек, который хочет, чтобы всё это кончилось.

Но ничего не кончилось.
Всё только начиналось.

Где-то в Австралии, на другой стороне планеты, в ту же самую минуту...
Вильгельмина сидела на качелях и смотрела на звёзды.

Их было много. Слишком много для того, кто привык видеть небо через оптику спутников и камер наблюдения. Они были настоящими — далёкими, холодными, равнодушными. Они не знали, что где-то в Карибском море только что всплыла база с тысячами сломленных душ. Им было всё равно.

Но она знала.

Не через спутники — её доступ к сети был ограничен после событий в Токио. Не через «крыс» — их сеть была разорвана, перегруппировывалась, залечивала раны. Знала — как знают о приближении бури по ломоте в костях.

Что-то изменилось.

Что-то огромное, тёмное, тяжёлое поднялось из глубины и теперь дышало.

Она сжала верёвки качелей. Пальцы побелели.

Чёрный Пёс, сидевший у её ног, поднял голову и посмотрел на горизонт. Его жёлтые глаза, в которых не было ни агрессии, ни страха, а только бесконечное, всезнающее ожидание, отражали что-то, чего Вильгельмина не могла увидеть.

— Ты знаешь, — тихо сказала она ему. — Ты всегда знаешь.

Пёс не ответил.

Но вильнул хвостом.

Один раз.

Медленно.

Это был не ответ — и не согласие. Это было подтверждение: да. Всё правильно. Всё идёт так, как должно.

Война только начиналась.

И Андрей на «Акве», и Вильгельмина в Австралии, и Чёрный Пёс, сидящий между ними в цифровой тени, — все они были пешками в одной партии.

Вопрос был только в том, кто сделает следующий ход.

Глава 2. МИГРЕНЬ

Локация: Подземные коммуникации Токио, тоннель бытовой канализации «Синдзюку-6». Глубина 15 метров от уровня улицы.

Время: 04:47, за час до рассвета.

Вильгельмина почувствовала это за секунду до того, как ноги перестали её слушаться.

Не звук. Не запах. Не вибрация, которую можно измерить приборами. Что-то другое. Что-то, для чего в её цифровом, точном, разложенном по протоколам сознании не было названия. Только ощущение. Тяжёлое, липкое, чужеродное, как будто в стерильную, очищенную кровь впрыснули густую, чёрную, заражённую нефть.

Она остановилась.

Джонатан, шедший впереди с включённым фонариком, прикрученным к стволу автомата, сделал ещё два шага, прежде чем заметил, что её нет рядом. Обернулся. Свет скользнул по её лицу, выхватив из темноты бледную, слишком бледную кожу, расширенные зрачки и тонкие, побелевшие губы.

— Вил? — его голос был тихим, но в нём уже звучала тревога. Та тревога, которая появлялась только тогда, когда его инстинкты, отточенные сотнями боёв, улавливали угрозу, которую он не мог увидеть или услышать.

Вильгельмина не ответила.

Она не могла.

Потому что в этот момент её сознание, привыкшее к тихому, упорядоченному гулу сети — к мерному пульсу спутников, к ритмичному перестуку серверов, к спокойному, предсказуемому течению данных, — разорвало на куски.

Они пришли.

Не через каналы связи. Не через взломанные серверы. Не через те уязвимости, которые она научилась находить и закрывать. Они пришли напрямую. Сквозь ту самую связь, которую она не могла отключить, потому что эта связь была частью её. Связь между всеми, кто родился в капсулах. Связь, которую «Парк» вшил в их нейронные матрицы, чтобы управлять ими, а они превратили в оружие выживания.

Тысячи голосов.

Нет — не голосов. Голос был слишком человеческим определением для того, что ворвалось в неё. Это были крики. Чистые, нефilterованные, не закодированные в слова крики. Крики о помощи. Крики боли. Крики ярости. Крики тех, кто не хотел умирать — и знал, что умрёт.

Она видела их. Не лица — лица были размыты, стёрты годами капсульного сна и многократными перезагрузками. Но чувствовала. Каждого. Каждую искру сознания, которая горела сейчас там, в глубине, на дне океана.

Одни угасали.

Яркие, пульсирующие точки, которые вдруг начинали мерцать, тускнеть, сжиматься в точку, а потом — ничего. Пустота. Тишина. Место, где только что была личность, человек, дубль, «ошибка» — превращалось в цифровую могилу. Белый шум. Статику.

Другие, наоборот, разгорались. Яростно, отчаянно, как угли, в которые плеснули бензином. Их боль была острее, громче, невыносимее. Они не сдавались. Они цеплялись за жизнь зубами, ногтями, обломками собственного сознания.

Третьи... третьи были тихими. Слишком тихими. Она не слышала их криков, но чувствовала их присутствие как холод. Как сквозняк из закрытой комнаты. Как дыхание за спиной.

Они не просили о помощи. Они не кричали от боли. Они просто... были. Ждали. Наблюдали. И в их молчании было что-то более страшное, чем в любом крике.

Новая проблема, — подумала она, и эта мысль была такой же холодной, такой же чёткой, как все её мысли. Но в ней, впервые за долгое время, не было уверенности. Только констатация факта. И страх. Глубокий, древний, животный страх, который не могли подавить ни тренировки, ни импланты, ни цифровое зрение.

Девочка потеряла переносицу.

Не в прямом смысле — нос остался на месте, хрящи, сосуды, кожа. Физически она была цела. Но её внутренний компас, тот самый, который всегда указывал на север, на безопасность, на правильное решение, вдруг закрутился, как бешеный, и затих, указывая сразу во все стороны. Она не знала, куда идти. Она не знала, что делать. Она не знала, как спасти тех, кто кричал, и как защититься от тех, кто молчал.

— Вил! — Джонатан уже был рядом. Его огромная, тёплая ладонь легла ей на плечо, сжала, встряхнула — не больно, но настойчиво, возвращая в реальность. — Ты меня слышишь? Что случилось?

Она подняла на него глаза.

Фонарик светил сбоку, и его лицо было наполовину в тени, наполовину выхвачено из темноты резким, белым светом. Шрамы. Свежие и старые. Морщины, которых не было несколько месяцев назад. Глаза — светло-голубые, почти прозрачные, с крошечными красными прожилками в уголках. В них не было паники. Была готовность. Готовность к чему угодно.

Она сглотнула. Горло пересохло, язык прилип к нёбу.

— Они проснулись, — сказала она. Голос был чужим — хриплым, ломким, как у ребёнка, который слишком долго кричал. — Все. Вся база. Я слышу их. Тысячи. Они умирают. Они злятся. Они... они идут сюда.

— Кто? — Джонатан не убрал руку. Его пальцы чуть сильнее вжались в её плечо, массируя, успокаивая, напоминая: ты не одна. — О ком ты говоришь?

— Те, другие. Из «Аквы». Кого мы... кого я... — она запнулась. Слова застревали в горле, как рыбы кости. — Я думала, они спят. Я думала, они безопасны. Я думала...

Она не договорила.

Потому что в этот момент её сознание пронзил ещё один крик. Не с «Аквы» — ближе. Гораздо ближе. Знакомый. Не по голосу — по отпечатку. Цифровому. Эмоциональному. Саймон.

Он не кричал от боли. Он кричал от ужаса.

Он тоже почувствовал их.

Джонатан ждал. Не торопил. Не задавал новых вопросов. Просто ждал, держа её за плечо, чувствуя, как её тело дрожит под его рукой, как часто и неровно бьётся её сердце.

— Я в порядке, — сказала она наконец. Твёрже, чем чувствовала. — Нужно идти. Саймон в опасности.

— Какая опасность?

— Не знаю. Но он боится. Сильнее, чем когда-либо. Он никогда так не боялся. Даже когда «ошибки» напали на них с Джилией. Даже когда он был один в сети против Кода.

Джонатан кивнул. Убрал руку. Проверил автомат — передёрнул затвор, хотя знал, что патрон уже в патроннике.

— Веди, — сказал он. — Я прикрою.

Они пошли дальше.

Тоннель. Десять минут спустя.

Тоннель бытовой канализации «Синдзюку-6» был построен в конце шестидесятых, во время подготовки к Токийской Олимпиаде. Его стены помнили бетонную пыль, пот строите-

лей, запах мазута и дешёвого сакэ. Теперь они помнили другое: плесень, сырость, крысиный яд, и, в последние годы, — тихие, осторожные шаги тех, кто прятался от мира наверху.

Вода хлюпала под ногами. Ледяная, мутная, с маслянистой радужной плёнкой на поверхности. Вильгельмина шла первой, освещая путь фонариком, который дал ей Филип перед отлётом в Европу. Маленьким, мощным, с регулируемым пучком света. Она держала его низко, чтобы свет не уходил вперёд больше чем на десять метров — не нужно было привлекать внимание тех, кто мог быть впереди.

Тех, кто был везде.

Она чувствовала их по-прежнему. Тысячи. Но теперь научилась фильтровать — отодвигать на задний план, как фоновый шум. Не отключать — отключить было невозможно, — а просто... не обращать внимания. Слышать, но не слушать. Чувствовать, но не реагировать.

Это было похоже на то, как она училась не слышать гул серверов на «Акве». Как училась спать под вой сирен и стук собственного сердца. Как училась выживать там, где выжить было невозможно.

Она шла и думала о Саймоне.

Они не были близки. Не в том смысле, который люди вкладывают в это слово. Они не разговаривали по ночам, не делились секретами, не держались за руки. Они были разными — слишком разными, чтобы стать друзьями. Но между ними было что-то другое. Что-то, что она не могла назвать.

Уважение. Да. К его способности оставаться человеком, когда всё вокруг толкало его в цифру.

Сочувствие. Да. К его одиночеству, которое она узнавала, потому что носила такое же.

Ответственность. Да. Потому что она привела его в этот мир, в эту войну, в этот тоннель, по которому они сейчас шли к нему, не зная, найдут ли его живым.

Она шла и не знала, что скажет, когда увидит его. Что можно сказать человеку, который чувствует то же, что и ты, но не может кричать, потому что крик — это слабость, а слабость — это смерть?

Она не знала. Но знала, что должна попытаться.

Шаги Джонатана за спиной были тяжёлыми, ритмичными, как метроном. Они успокаивали. Напоминали, что она не одна. Что у неё есть кто-то, кто прикроет спину, даже если мир рухнет.

Они шли.

И где-то впереди, в темноте, ждал Саймон.

Труба. До встречи — пятьсот метров.

Воздух стал другим. Сырее, тяжелее, с привкусом озона и старой, прожжённой изоляции. Где-то рядом работали насосы — мощные, низкочастотные, заставляющие вибрировать бетонные стены. И запах. Слабый, едва уловимый, но знакомый.

Запах страха.

Вильгельмина остановилась. Подняла руку — знак «стой».

Джонатан замер мгновенно. Его дыхание, и без того тихое, стало ещё тише. Тело напряглось, готовое к броску.

— Он близко, — сказала она шёпотом. — Я чувствую его. Он... он не один.

— Джилия с ним? — спросил Джонатан так же тихо.

— Да. Она жива. Но...

Она замолчала, прислушиваясь не к ушам — к тому внутреннему эху, которое никогда не замолкало. Крики с «Аквы» стихли, отодвинулись на периферию. Теперь она слышала только Саймона. Его страх был как открытая рана — кровоточащий, пульсирующий, незаживающий.

— Он боится не за себя, — сказала она, и в её голосе появилась новая, странная нотка. Не жалость — понимание. — Он боится, что не сможет защитить её. Джилию. Что он опоздает. Что она умрёт, а он останется.

— Как ты, — тихо сказал Джонатан. Не спросил — констатировал.

Вильгельмина не ответила. Она сделала шаг вперёд.

Свет фонарика выхватил из темноты поворот. За ним — ещё один. И ещё. И в конце, в слабом, мерцающем пятне аварийной лампы, прилепленной к стене синей изоляцией, она увидела их.

Саймон сидел на корточках, прислонившись спиной к ржавой трубе. Его лицо было белым, глаза — закрытыми, руки — сжатыми в кулаки. Он не дрожал. Он был неподвижен, как статуя, как камень, как человек, который научился не показывать боли, даже когда боль разрывает его изнутри.

Рядом с ним, положив голову ему на колено, сидела Джилия. Её дыхание было ровным, спокойным — она спала. Или делала вид, что спит. Её рука, тонкая, с длинными, нервными пальцами, лежала на его руке, не сжимая, не глядя, просто... присутствуя.

Они не говорили. Они просто были. Вместе.

Вильгельмина остановилась в трёх метрах от них. Не подходила ближе. Не звала. Просто стояла и смотрела.

Джонатан замер за её спиной, не включая свой фонарик. Он видел то же, что и она. И молчал.

Тишина длилась долго. Так долго, что вода в трубах успела сменить тон — с глухого бульканья на ровный, успокаивающий шёпот.

Потом Саймон открыл глаза.

Они были красными — не от света, не от бессонницы. От слёз. Которых он не пролил. Которые высохли внутри, оставив после себя только боль.

— Ты пришла, — сказал он. Голос его был ровным, но в нём, глубоко, в самом основании, звучало что-то, похожее на облегчение. — Я знал, что ты придёшь. Я чувствовал тебя. Всю дорогу. Ты... ты как маяк. Даже когда ты не в сети.

Вильгельмина не знала, что ответить. Слова были слишком грубым, слишком медленным инструментом для того, что она хотела сказать. Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Потом села на корточки рядом с ним — так, чтобы их лица были на одном уровне.

— Я здесь, — сказала она просто. Без пафоса. Без обещаний. Без лжи. — Мы здесь. Мы не уйдём.

Саймон посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Потом кивнул. Один раз. Медленно.

— Они идут, — сказал он. — Те, другие. С «Аквы». Я слышал их голоса. Они... они не хотят войны. Но они не знают другого языка. Их научили только одному — убивать. Или умирать.

— Я знаю, — сказала Вильгельмина. — Я тоже их слышу.

— Что мы будем делать?

Она посмотрела на свои руки. Маленькие, тонкие, с бледной, почти прозрачной кожей. Руки девочки, которая должна была рисовать цветы и мечтать о будущем, а вместо этого держала судьбы тысяч.

— Не знаю, — честно сказала она. — Но я не дам им умереть. И не дам им убить тех, кого люблю. Никогда больше.

Саймон снова кивнул.

Джилия, не открывая глаз, чуть плотнее прижалась к его колену.

Джонатан за их спинами бесшумно проверил оружие и встал так, чтобы прикрыть всех троих.

А где-то далеко, в Карибском море, на ржавой, израненной палубе «Аквы», Андрей-2077 смотрел на горизонт и ждал.

Их война только начиналась.

Но этот момент — здесь, в темноте, под землёй, среди запаха сырости и страха, — был моментом тишины.

Моментом, когда они все, на мгновение, перестали быть солдатами, командирами, оружием, целями.

И стали просто людьми.

Которым было страшно.

Но которые не сдавались.

Глава 3. ЧЁРНЫЙ ПЁС НА ВОДЕ

Локация: База «Аква», верхняя палуба, временный командный пункт.

Время: 06:23, рассвет. Карибское море, координаты неизвестны даже тем, кто их определял.

Андрей стоял на обломке отсека.

Не на палубе — палубы как таковой больше не существовало. Там, где когда-то были ровные, покрытые антикоррозийной краской плоскости, теперь зияли рваные дыры, торчала арматура, свисали перебитые кабели, истекающие маслянистой жидкостью. «Аква» всплыла не целиком. Она всплыла как труп, который разлагается на части, но ещё не понял этого. Три модуля, соединённых ржавыми переходами, качались на волнах, как поплавки. Ещё пять — тех, что поменьше, технических, — плавали рядом, удерживаемые на поверхности аварийными поплавками, которые сработали автоматически при подъёме. Два отсека остались на дне. Андрей не стал их поднимать. Там были мёртвые. А мёртвые не нужны живым.

Он стоял и смотрел на воду.

Вода была серой. Не голубой, не бирюзовой, не той открыточной красоты, которой славится Карибское море. Серой, тяжёлой, маслянистой, с белёсыми прожилками пены и чёрными пятнами топливной плёнки, растёкшейся после взрыва трансформатора. Небо над головой было таким же — низким, рваным, с клубящимися тучами, которые не обещали дождя, но давили на психику, как бетонная плита.

Ветер был солёным, резким, бил в лицо, заставляя щуриться. Андрей не щурился. Он смотрел сквозь ветер, сквозь воду, сквозь горизонт. Он искал врага. Искал союзников. Искал тех, кто должен был прийти.

Вокруг, на плавучих обломках других отсеков, на крышах всплывших модулей, на импровизированных плотках из переборок и дверей, стояли они.

Его армия.

Те, кого система назвала «ошибками». Те, кого хотели стереть, забыть, похоронить на дне вместе с «Аквой». Те, кто выжил. Те, кто не сдался. Полторы тысячи человек — мокрых, грязных, израненных, голодных, злых. Полторы тысячи человек, которые смотрели на него и ждали. Ждали приказа. Ждали надежды. Ждали, что он скажет им, что всё будет хорошо, что они не зря прошли через ад, что впереди есть что-то, ради чего стоит жить.

Андрей не знал, что сказать. Он не умел врать. Не умел обещать. Он умел только вести. И убивать.

Они стояли молча. Только вода плескалась о борта, только ветер свистел в рваных отверстиях, только где-то далеко, на грани слышимости, выла сирена — один из модулей «Аквы» продолжал подавать сигнал бедствия, который никто не слышал, потому что система связи умерла ещё до всплытия.

И вдруг он увидел его.

Не краем глаза — периферийное зрение у Андрея было отточено до предела, он замечал движение раньше, чем успевал осознать. Нет. Он увидел его прямо. Чётко. Ярko. Как видение в пустыне.

Чёрный Пёс шёл по воде.

Он не плыл. Не бежал по волнам, как в дешёвых голливудских фильмах. Он шёл. Медленно, тяжело, опуская лапы в воду по самые запястья, и вода расступалась перед ним, как расступается толпа перед королём. Он был большим — огромным, под два метра в холке, с длинной, свалывшейся чёрной шерстью, с жёлтыми, горящими глазами, которые не отражали свет, а сами были источником света. Света, который не освещал — пронизывал.

Пёс шёл к «Акве». Шёл уверенно, не сбиваясь с курса, не оглядываясь, не обращая внимания на волны, которые перекатывались через его спину, не касаясь её. Шерсть оставалась сухой. Глаза — неподвижными.

Андрей не испугался. Он видел много странного. Капсулы, где умирали сознания. Нейроинтерфейсы, которые переписывали личности. Людей, которые переставали быть людьми, но продолжали жить. Чёрный Пёс был не страшнее всего этого. Он был просто... другим. Непонятным. И оттого — опасным.

Пёс остановился в десятке метров от того обломка, на котором стоял Андрей. Вода под ним вдруг стала спокойной, как зеркало. Волны, бьющиеся о корпус «Аквы», стихли. Ветер, казалось, затаил дыхание.

Пёс поднял голову. Посмотрел на Андрея. Не как собака смотрит на человека — снизу вверх, с надеждой, с преданностью, с ожиданием команды. Как равный смотрит на равного. Как солдат смотрит на солдата. Как враг смотрит на врага.

Злая улыбка растеклась по лицу Андрея.

Не та улыбка, которая делает человека красивее или добрее. Та улыбка, которая появляется у хищника, когда он видит добычу. Та улыбка, которая рождается не от радости — от предвкушения. От уверенности, что ты прав. Что ты победишь. Что тебя не остановить.

Она поползла от уголка губ — левого, где заживал свежий шрам от осколка, — сначала тонкая, едва заметная, потом шире, глубже, почти до ушей. Растянула кожу, обнажив жёлтые, сточенные зубы. Сделала его лицо не человеческим — звериным. Маской.

— Передай ей, — сказал Андрей. Голос его был низким, хриплым, как у человека, который слишком долго молчал и забыл, как звучит его собственный голос. — Передай этой... девочке... этой вашей «Монарх»... этой спасительнице синтетиков... Я её уничтожу.

Слова вылетали не плавно — рвано, с придыханием, с хрипом, который рождался где-то в груди, в том месте, где когда-то было сердце, а теперь осталась только чёрная, спекшаяся дыра.

— Уничтожу не потому, что я злой. Не потому, что я хочу её смерти. А потому что она — ложь. Она — надежда, которая не сбудется. Она — обещание, которое она не сможет сдержать. Она думает, что может спасти всех. Она врёт. Себе. Им. Всем.

Он замолчал.

Смех пошёл по его горлу с хрипом.

Не звонкий, не заразительный, не тот смех, который хочется подхватить. Тяжёлый, надрывный, с кашлем, с бульканьем, с металлическим привкусом крови на языке. Он смеялся, и его плечи тряслись, и пальцы, сжимавшие ржавый поручень, побелели от напряжения.

Он смеялся, потому что если бы не смеялся, он бы закричал. Или заплакал. Или бросился в воду и утонул, потому что плавать он так и не научился, а тело давно требовало отдыха, которого у него не было и не будет.

Смех затих так же внезапно, как и начался.

Андрей вытер рот тыльной стороной ладони. На коже осталась тонкая, красная полоска — кровь. Лопнул сосуд. Или десна. Или что-то внутри, что давно уже не работало как надо.

Он снова посмотрел на Пса.

Пёс не двигался.

Но его глаза — эти жёлтые, немигающие, всевидящие глаза — смотрели не на Андрея. Нет. Через него. Сквозь него. На запад.

Туда, где горизонт был чистым, но не пустым.

Взгляд Пса был укором.

Не злым. Не осуждающим. Усталым. Как у учителя, который видит, что ученик выбрал не тот путь, но уже не может — или не хочет — его останавливать. Как у врача, который знает, что пациент неизлечим, но продолжает приходить на обход, потому что это его работа.

— Не смотри на меня так, — сказал Андрей. В его голосе не было злобы. Была усталость. Такая же древняя, как у Пса. — Я не просил тебя приходить. Я не просил её рождаться. Я не просил быть тем, кем стал.

Пёс молчал. Он вообще никогда не говорил. Не словами. Он говорил образами. Говорил присутствием. Говорил тем, что был здесь, хотя его здесь не могло быть, потому что он не был живым в том смысле, в котором живы люди.

И его взгляд на запад был понятнее любых слов.

«Там», — говорил он. — «Там то, что ты ищешь. Там твой враг. Там твоя судьба. Там твоя смерть или твоё спасение. Выбирай».

Андрей посмотрел туда же.

Запад.

Сначала он ничего не увидел. Только вода. Только небо. Только линия горизонта, на которой серая гладь встречалась с серой высью.

Потом — точки.

Маленькие, чёрные, стремительные. Они двигались по воде быстро, слишком быстро для обычных судов. Резали волны, оставляя за собой белые, пенистые следы, которые не успевали исчезать, потому что новые волны накатывали на старые, и всё смешивалось в единую, хаотичную пляску.

Морская гвардия «Антареса».

Их было много. Два десятка. Тридцать. Сорок. Быстроходные катера, оснащённые ракетными установками и пулемётами крупного калибра. Чёрные, матовые, почти незаметные на фоне серой воды, если бы не белые гребни волн, которые они вздымали.

Они спешили.

Не плыли — летели.

Потому что знали: враг ранен, враг на поверхности, враг не успел окопаться. Враг, который несколько часов назад был глубоко под водой, в недосыгаемости, теперь был как на ладони. Уязвимый. Слабый. Почти мёртвый.

Их задача была простой: добить.

Андрей смотрел на них и не чувствовал страха. Страх сгорел в капсулах, смылся питательным раствором, выветрился через систему регенерации воздуха. Осталась только злость. Холодная, чистая, как дистиллированная вода.

Он уже открыл рот, чтобы отдать приказ — готовиться к обороне, рассредоточиться, занять огневые позиции на верхних палубах, — но замер.

Потому что с другой стороны, с востока, оттуда, где солнце только начинало пробиваться сквозь тучи, тоже двигались точки.

Другие точки.

Большие. Медленные. Неуклюжие.

Рыболовецкие суда. Старые, ржавые, с высокими бортами и низкими надстройками. Те, на которых обычные люди выходят в море за рыбой, не зная, что такое радары, системы навигации и спутниковая связь. Те, которые не должны были быть здесь, потому что здесь не было рыбы. Здесь была смерть.

Но они были.

Их было немного. Пять. Шесть. Семь. Они шли плотной группой, держась вместе, как стайка испуганных мальков, которые пытаются защититься от хищника не силой, а числом.

На их палубах, Андрей видел, стояли люди.

Не солдаты. Не наёмники. Не морпехи.

Обычные моряки. В засаленных куртках, в резиновых сапогах, с обветренными лицами и руками, которые привыкли держать сети, а не оружие. Они смотрели на «Антарес», и их лица

были бледными, но они не отворачивались. Они сжимали в руках кто — монтировку, кто — гарпун, кто — просто кусок трубы.

За их спинами, в трюмах, на палубах, на надстройках, стояли другие.

Те, кого «Антарес» хотел уничтожить.

Синтетики.

Беглецы. Спасённые. Те, кого «крысы» вытащили из «Парков» и разбросали по миру, по безопасным домам, по «ковчегам», по странам, которые согласились их принять. Они не были бойцами. Они были жертвами. Но сегодня они пришли.

Не воевать.

Спасать.

На одном из судов, на самом большом, над самой высокой мачтой, развевался флаг. Не государственный. Не военный. Белый, с синей полосой и чёрным силуэтом бегущей крысы.

Флаг Содружества за права синтетиков.

Той самой организации, которую создала Женя-26 после падения Свиридова. Которая не имела ни армии, ни бюджета, ни политического веса. Которая имела только одно — тех, кто верил, что синтетики имеют право на жизнь.

Они приплыли.

Они знали, что «Аква» всплывёт. У них были свои информаторы, свои каналы, свой Чёрный Пёс, который нашёптывал им то, что нужно было услышать. Они не знали, что их ждёт. Не знали, сколько врагов. Не знали, смогут ли помочь. Но они пришли.

Андрей смотрел на них и не понимал.

Почему? Зачем? Кто они этим людям? Кому они нужны?

Он вырос в системе, где каждый был сам за себя. Где помощь была слабостью, а слабость — смертью. Где сострадание было ошибкой, которую нужно было вырезать, перезаписать, уничтожить.

Он не понимал.

Но что-то в его груди — не сердце, оно давно окаменело, — сжалось. Больно. До хруста. До слёз, которых не было.

Пёс стоял на воде и смотрел.

Сначала на запад — на чёрные точки «Антареса», которые несли смерть.

Потом на восток — на ржавые суда, которые несли надежду.

Потом на Андрея.

В его жёлтых глазах не было ни насмешки, ни сочувствия. Был вопрос. Тот самый, который он однажды задал сам себе и на который до сих пор не нашёл ответа.

«Что или кого я защищаю?»

Андрей не знал ответа. Он знал только, что должен уничтожить Вильгельмину. Что она — символ всего, что он ненавидел. Ложной надежды. Пустых обещаний. Мира, который не примет их никогда.

Но глядя на эти суда — ржавые, медленные, беззащитные, — он впервые за долгое время почувствовал сомнение.

А что, если она права? Что, если есть другой путь? Что, если люди... если обычные, настоящие, не цифровые люди... способны на сострадание? На жертву? На любовь к тем, кто даже не родился, а был создан в пробирке?

Он отогнал эту мысль. Как отгоняют муху. Как отгоняют слабость.

Слишком поздно. Слишком много крови. Слишком много смертей.

— Готовиться к бою, — сказал он, и его голос, усиленный динамиками аварийной связи, разнёсся над водой, над обломками, над людьми, которые смотрели на него снизу вверх, как на бога. — «Антарес» идёт. Содружество идёт. Мы не отступим. Нам некуда отступить. Мы — на дне или на поверхности. Дна больше нет.

Люди замерли. А потом задвигались.

Кто-то заряжал оружие — самодельное, трофейное, старое, но ещё работающее. Кто-то закреплял на палубах мешки с песком — единственная защита от пуль. Кто-то просто стоял и смотрел на горизонт, на приближающиеся точки, и молился богам, в которых не верил.

Пёс стоял на воде и смотрел на Андрея.

И в его взгляде, холодном и всезнающем, не было одобрения.

Только ожидание.

В это же время. Запад. Флагман «Антареса».

Человек в чёрной форме без опознавательных знаков смотрел на дисплей радара. Три группы целей. Запад — его собственные катера. Восток — ржавые посудины Содружества. Центр — развалины «Аквы», на которых копошились люди.

— Цели верифицированы, — доложил оператор. — Синтетики. Все. Приказ?

Человек в чёрном помолчал. Потом улыбнулся. Холодно. Безжизненно.

— Уничтожить всех.

Восток. Флагман Содружества. Палуба.

Старая женщина с короткой седой стрижкой и глубокими морщинами на лице стояла у борта и смотрела в бинокль. Её руки, покрытые пигментными пятнами, дрожали. Не от старости. От напряжения.

Она была одной из первых «крыс». Жень-2. Оригинал, который не стал копией, потому что её сознание было слишком слабым для переноса, а тело — слишком старым для капсулы. Её оставили. Как ненужный чертёж. Как бракованную деталь. Она выжила. И теперь вела за собой тех, кого другие называли мусором.

— Командир, «Антарес» на подходе. Через десять минут — зона поражения.

— Знаю, — сказала она. Не обернувшись. — Передайте на «Акву». Мы здесь. Мы не бросим.

— Они могут нас не услышать. Связи нет.

— Тогда пусть увидят.

Она опустила бинокль.

Вода была серой. Небо — низким. Ветер — солёным и злым.

Но где-то там, среди обломков, на ржавой палубе, стоял человек, который нёс в себе боль тысяч. И она должна была до него достучаться. Не словами. Делом.

Центр. «Аква». Обломок отсека.

Пёс исчез.

Так же внезапно, как и появился. Растворился в утреннем свете, в брызгах волн, в ветре. Осталась только вода. И точки на горизонте. С двух сторон.

Андрей смотрел на запад. На «Антарес». На смерть.

Потом на восток. На Содружество. На надежду.

Потом на своих людей. На тех, кто ждал его приказа.

— Мы не сдаёмся, — сказал он. Голос его был твёрдым, но в глубине, там, где никто не мог увидеть, дрожал. — Мы выжили в аду. Выживем и здесь. Приготовиться.

Над водой пролетел первый снаряд.

Война началась.

Глава 4. ПЯТЬ ЧАШЕК ЧАЯ

Локация: Зброшенный завод «Токийская металлообработка», цех №3, подвальный уровень. Бывшая «крысиная» нора.

Время: 07:51, утро.

Люк открылся внезапно.

Не скрипнул — ржавые петли давно проржавели насквозь и рассыпались бы при первом же движении, если бы Джилия три месяца назад не заменила их на новые, купленные в хозяйственном магазине на другом конце города. Не грохнул — тяжёлую крышку, замаскированную под бетонную плиту с приклеенными к ней ошметками асфальта и битым стеклом, опускали на резиновых амортизаторах, вырезанных из старой автомобильной покрышки. Люк открылся бесшумно, плавно, как нож, входящий в масло. Словно кто-то наверху знал, где нажать, чтобы механизм поддался без сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.